живой природе. Однако же, Владимиру Борейко это удалось. Наши спорщики вряд ли сумеют прийти к консенсусу, т. к. дискутируют в разных плоскостях. В. Борейко – в теоретической, Ю. Васидлов – чисто в практическом плане. Наверняка с теорией у Васидлова все в порядке – уж применительно к заповедному делу и он неприемлет "ресурсизм".

С другой стороны, сомнительно, чтобы благодарное человечество когда-либо даже декларативно взяло на себя "обязанность поддерживать популяции" белых лабораторных крыс, как оно сейчас поддерживает популяции редких зубров или кондоров. Памятник им поставить посмертный, как павловской собачке или даже лягушке – это да, это мы умеем…

Мировоззрение и права природы

В.Н. Грищенко
Каневский природный заповедник

Опубликованные выше материалы вызывают определенный интерес, но также немало грусти и сожаления. Ибо в них не всегда есть профессионализм, зато хватает воинствующего дилетантизма, а то и откровенной демагогии. Чтобы победить в дискуссии, повергнуть своих оппонентов этого недостаточно. Повторю когда-то сказанные слова: нам нужно "*учиться владеть своим оружием и постоянно оттачивать его, а не бестолково вымахивать тупым и ржавым клинком*" (Грищенко, 2001а). Поэтому пусть коллеги-природоохранники не обижаются, если я буду находить "ржавчину" и "зазубрины" в их аргументах. Отточив их, можно будет легче достичь поставленной цели.

Грипп антибиотиками не лечится, они предназначены для бактериальных заболеваний, а грипп вызывается вирусами. То, что человек не убивает комаров, скорее всего попросту означает, что он не бывает там, где их много. В пойменном ольшанике или в сибирской тайге мысли о праве комаров на жизнь почему-то быстро улетучиваются. Но даже если вы используете одни лишь репелленты, то все равно нарушаете базовые права "кровопийц". Самки комаров и некоторых других насекомых пьют кровь теплокровных животных не ради гастрономических изысков, а для продолжения рода. Лишив комара возможности попить своей кровушки, вы нарушаете его право на продолжение рода. Не так все просто и с тараканами. Убивать их самому – плохо, а вот вынести на улицу, где они неминуемо погибнут при наступлении холодов или их съедят другие животные, – верх гуманизма? Да это же банальное лицемерие. Не потому ли многим экорадикалам так нравятся философские системы Востока, что в них главное не замарать свои "белые одежды", а там хоть трава не расти?

О лабораторных животных. Я согласен с Ю. Васидловым и не согласен с В. Борейко. Он вообще передергивает, утверждая, что нельзя рассматривать природу как ресурс. Нельзя рассматривать природу **только** как ресурс – это другое дело. Ресурс – это вообще-то не ругательство. По Н.Ф. Реймерсу (1990), ресурсы – "*любые источники и предпосылки получения необходимых людям материальных и духовных благ*". Мы используем дерево как ресурс и когда срубаем его на дрова, и когда любуемся им или отдыхаем в его тени. Что, аморально получать удовольствие от общения с природой? А ведь в этом случае она тоже служит нам ресурсом. Совсем недавно В.Е. Борейко призывал нас поклоняться участкам дикой природы, т. е. использовать их для удовлетворения своих духовных потребностей. Ни человек, ни любое другое живое существо не может не использовать

ресурсы природы. Без этого жизнь невозможна. Попробуйте хоть на какое-то время отказаться от ресурса окружающего воздуха, надолго ли вас хватит?

Я пишу это не для того, чтобы упрекнуть кого-либо в убогости аргументации (хотя она действительно убогая). Пример с теми же комарами и лабораторными крысами подводит нас к проблеме, которая не решается в должной мере ни одним из проектов деклараций и почти не затрагивается в дискуссиях: соотношению прав индивидов и системных целостностей надорганизменного уровня – популяций, видов, экосистем и т. д.

В экологической этике существует несколько основных концепций, различающихся величиной круга моральной ответственности человека (см., например, Кэлликотт, 1999; Грищенко, 2001а; Горке, 2002). Антропоцентризм мы отвергаем, патоцентризм "морально устарел", поскольку сужает весь разговор только к высшим животным, остаются главные друзья-соперники – биоцентризм и экоцентризм или холизм. У них много общего, поскольку это природоохранные концепции, но в некоторых аспектах их подходы диаметрально противоположны. Биоцентризм превыше всего ставит интересы индивида, экоцентризм – сообщества. В экоцентризме существует четкая иерархия ценностей: наибольшая ценность – биосфера, наименьшая – индивид (конечно, если не опускаться ниже организменного уровня). Отсюда следует, что интересы индивидов могут нарушаться, если есть угроза для видов или экосистем. Биоцентризм отвергает такой подход. Классический пример радикального биоцентризма – "освободители" животных и сторонники глобальной вегетарианизации человечества. Для них главное – избавление отдельных особей от страданий и смерти, а то, что подобная позиция ведет в конечном итоге к полному исчезновению целых видов и пород, их не волнует. В.Е. Борейко, правда, договорился до того, что человек должен содержать лабораторных крыс и других животных, ставших ненужными. Хочется верить, что это у него получилось сгоряча, в пылу дискуссии. Я не буду всерьез обсуждать вопрос, захотят ли люди содержать армаду нахлебников (кстати, кормить их придется за счет ресурсов из окружающей природы, отчего возникнут дополнительные проблемы у диких животных, за все приходится платить – за удовольствие быть гуманным тоже). Мне просто интересно, куда будут девать тучи лабораторных крыс и мышей, если их нельзя ни убивать, ни обижать? Не проходит даже вариант "квотирования на размножение отдельных видов" по Д. Андрееву (1997), поскольку мы декларируем право животных на стремление к счастью. Между прочим, за год от одной пары белых мышей при благоприятных обстоятельствах можно получить потомство в 30 тысяч особей (Линдблад, 1976). Кому не лень вспомнить школьную математику, могут сами подсчитать, сколько будет за много лет и не от одной пары.

Подобную ситуацию прекрасно описал Ян Линдблад (1976) в своей книге "Белый тапир". В детстве он увлекался содержанием дома различных животных, начав с белых мышей. Из купленной в зоомагазине молодой пары скоро стало полсотни зверьков и число их быстро увеличивалось. Поначалу мальчик раздавал мышей всем своим друзьям и знакомым, но это не помогало. В конце концов, питомцев пришлось распродать и отказаться от их содержания. В данном случае вид в целом не пострадал, потому что мыши содержались во многих других местах. Если же подобный кризис возникнет в масштабах всего человечества, раздавать мышей будет некому. Перед тем как поучать других, читайте природоохранную классику.

В странах с развитой экофилософией точатся жаркие дискуссии между сторонниками биоцентризма и экоцентризма. У нас этого пока нет по той простой причине, что нет и понимания сути проблемы. Довольно часто можно встретить смешивание понятий и подмену одного другим (причем, что печально, даже среди философов). По-

падаются и “гермафродитные” дефиниции типа “биоэкоцентризм”. Извините, нет такого, как не бывает престарелых детей или кипящего снега.

Лично для меня ответ ясен. Я сторонник экоцентризма. По моему мнению, биоцентрический подход в охране природы ведет в тупик, поскольку невозможно охранять все, всегда и везде. Приходится выбирать, что важнее. Я считаю, что когда возникает угроза виду или экосистеме, можно пожертвовать интересами и даже жизнями отдельных организмов. Например, если в последнем стаде какого-нибудь исчезающего вида копытных появятся особи, больные сибирской язвой, их вполне допустимо уничтожить, чтобы спасти остальных и вид в целом. Приходится бороться и с видами-интродуцентами, уничтожающими или вытесняющими аборигенные виды и нарушающими равновесие в экосистемах. И далеко не всегда это можно сделать без смертоубийства, например, отлавливая и переселяя “супостатов” в другие места. Куда было девать миллионы кроликов из Австралии? И как их переловить? Но далеко не все природоохранники согласны с таким подходом.

Логика экоцентризма – это логика самой природы. Не больно-то она считается с правами и интересами индивидов, да еще в ущерб видам или экосистемам. Биоцентризм же базируется прежде всего на системе ценностей западной либеральной демократии и философии индивидуализма. Их сторонники в запале прозелитизма вынесли демократические идеи за пределы человеческого общества. И это при том, что и среди людей они воспринимаются по-разному. Например, попытки навязать демократию во многих странах Азии и Африки так ни к чему и не привели. Идеи американских феминисток не встречают особого отклика среди мусульманских женщин. А в природе все еще сложнее и многообразнее, чем в человеческом обществе.

Для животных пища и безопасность более важны, чем свобода. Дж. Даррелл (1991) красочно описывает как они с женой пытались отпустить на свободу отловленных животных, которых нельзя было вывезти из-за разразившейся в Парагвае революции. Пленники упорно возвращались к своим клеткам, требуя корма. Разогнать их не удавалось никакими силами. А два попугая даже разорвали снаружи сетку и уселись в клетке на своих жердочках.

“*Мы с Джеки сели на ящик, беспомощно глядя на них. <...>*

– Я бы очень хотел, – злорадно сказал я, – чтобы здесь присутствовал сейчас один из этих слюнтяев.

– Каких слюнтяев?

– Один из этих сентиментальных всезнаек, которые вечно твердят мне, что жестоко запирать бедных диких животных в маленьких деревянных клетках. Хотел бы я показать им, как наши мохнатые и пернатые братья при первой же возможности торопятся обрести свободу” (Даррелл, 1991).

Вернемся к декларациям. Получается палка о двух концах. С одной стороны, подготовка декларации с учетом мировоззренческой позиции приведет к неминуемому уменьшению числа ее сторонников, поскольку не все придерживаются одинаковых взглядов. С другой стороны, игнорируя это, мы сами прячем в темном уголке грабли, о которые будем потом расшибать лоб. Избежать этой коллизии можно одним путем – сделать декларацию максимально общей и краткой. Декларация-минимум может быть вообще сформулирована в одном пункте: “Все живые существа и объекты неживой природы имеют право на существование, независимо от интересов человека”. Под такой формулировкой подпишется очень много людей, даже совершенно далеких от охраны природы. Вполне, кстати, можно совместить живую и неживую природу, просто заменив термин “жизнь” на “существование”. Это то общее, что есть у живых организмов и объектов неживой природы. Все остальные права вытекают из этого, главного. Поэтому, возможно, и нет смысла их плодить в таком количестве. Все равно, многие из них –

чистая утопия. Чем больше будет продекларировано прав, тем больше появится противников у декларации в целом. Тем более, если провозглашается право на стремление к счастью и подобные вещи. Боюсь, что наше общество еще не дозрело до их восприятия. Поэтому, давайте определимся, чего мы хотим: сдвинуть дело с мертвой точки или заявить о себе? Не лучше ли остановиться на наиболее важных и бесспорных правах, отложив второстепенные до лучших времен?

В проекте "Декларации прав живых существ" исподволь вводится экоцентристский подход – утверждается, что права видов имеют преимущества перед правами индивидов, права местных диких животных и видов – перед интродуцентами, допускается нарушение прав особей и видов для спасения редких видов и т. д. Однако, это все звучит достаточно невнятно и разбросано в разных параграфах. С моей точки зрения, лучше обо всем этом четко и сразу сказать в преамбуле. Иначе непонятно, почему говорится то о равенстве прав всего живого, то о том, что "некоторые животные более равны, чем другие". С интродуцентами, кстати, не все так просто. Если вид-вселенец давно вписался в экосистему и никому не мешает, лучше его не трогать. И как быть в тех случаях, когда человеком расселяются редкие виды для их спасения? Утверждение о неравенстве прав в данном случае не вполне корректно. Все должно определяться не только и не столько "аборигенностью", сколько целостностью и нормальным функционированием биоценоза. Никак не затрагиваются права экосистем.

С тем, что люди не имеют права на уничтожение видов, я однозначно согласен, а вот с особями все гораздо сложнее. В любом случае этот момент – моральный запрет на уничтожение диких животных – вызовет ожесточенные дискуссии и неприятие очень многих, поэтому вряд ли стоит его включать в декларацию. Все равно ведь допускаются исключения. Если человечество дозреет до этого, декларацию можно будет и дополнить. Зачем плодить противников, вместо того, чтобы собирать союзников? Всевозможные перехлесты и так привели к тому, что для многих идея прав животных ассоциируется лишь с экстремизмом (см., например, Тетера, 2002).

Я не сторонник ультрарадикальных "наворотов" вроде того, что человек не должен вообще использовать других животных. Природа устроена так, что одни организмы используют других для своей жизнедеятельности. Человек в этом отношении не исключение. Если мы собираемся охранять природу, то не нужно ее переделывать. Если же собираемся переделывать, то при чем тут природоохранная риторика?

Подобная деятельность противоречит Всемирной хартии природы (написана она, кстати, с вполне экоцентристских позиций). Пункт 1 гласит: "*Природу необходимо уважать и не нарушать ее основные процессы*" (см. этот выпуск журнала). А о каком уважении может идти речь, если мы начинаем исправлять "ошибки", якобы допущенные природой, и нарушать фундаментальные процессы, лежащие в основе жизни?

Всевозможные "освободители" упорно не хотят видеть то, что они зарывают в идею прав животных бомбу, которая может разнести всю их конструкцию. Спасение природы в том, что люди наконец поймут свою неразрывную связь с ней. Противопоставление же человека всему остальному миру только увеличивает пропасть, и так их разделяющую. Далее. Если человек не сможет никак использовать животных, они ему станут просто не нужны. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Можно будет сколько угодно разглагольствовать о праве на жизнь, многим оно уже не понадобится. Впрочем, "освободителей" это не смущает. П. Сингер (2002), например, глубокомысленно рассуждает о том, что "несуществующие существа" не могут страдать, поэтому и беспокоиться не о чем. Ну так давайте переведем все существа в категорию "несуществующих", после этого боль, страдания, смерть исчезнут сами собой. Это чистой воды манихейство.

Как бы ни относиться к охоте, нельзя не признать, что многие животные и ценные природные территории были сохранены именно потому, что представляли интерес для охотников. Отсутствие же охоты и даже вегетарианство отнюдь не гарантируют благополучия животным. Примеры тому – Индия и Тибет (см., например, Грищенко, 2002; Тетера, 2002).

Вот типичный пример из жизни индийской деревни: "*То, что хозяин отказывался забивать корову и вола, не означало, однако, что за этими животными хорошо ухаживали. Даже сам отказ от убийства скота понимался довольно казуистически. Так, например, хозяин, продавший старую корову или старого вола торговцу-мусульманину и при этом знавший, что тот отведет скотину на бойню, виноватым себя не чувствовал. Его ответственность как бы кончалась актом продажи**... *Казуистика присутствовала в рассуждениях и на другие темы. Например, жители Рампуры хвалились, что, в отличие от менее благочестивых жителей других деревень, они не пашут по понедельникам. Однако в понедельник волы таскали повозки, использовались на отжиме сока из сахарного тростника и т. д. Другими словами, их использовали там, где в них имелась необходимость. Жители могли тешить свое благочестие, при этом не испытывая больших неудобств*" (Шринивас, 1988). Напомню, что корова у индуистов считается не просто почитаемым, а священным животным.

Это то, о чем я писал в начале статьи: главное сохранить в чистоте свои "белые одежды", то есть соблюсти приличия. Именно по этому пути идут "освободители" с их квазирелигией вегетарианства. Главное, чтобы люди не причиняли прямых страданий животным, а то, что у природы могут возникнуть проблемы и более существенные, никого не волнует. Идеолог "освободителей" П. Сингер (2002) весьма пренебрежительно отзывается о природоохранниках, стремящихся сохранить исчезающие виды. Пусть они себе вымирают, главное, чтобы это проходило тихо и спокойно, без страданий. Он утверждает: "*Если существо неспособно к страданию, или переживанию удовольствия или счастья, нет ничего, что бы надо было принять во внимание. Так, предел чувствительности (термин для определения способности переживать боль или удовольствие) – единственный критерий беспокойства об интересах других*" (Сингер, 2002). Получается, что если завезенные человеком козы подчистую истребляют природную растительность на морском острове, превращая его в голые скалы, мы не можем вмешиваться, поскольку козы способны страдать, а растения и погибающая экосистема – нет.

Показного благочестия хватает и в Европе с Америкой. Мы можем сколько угодно восторгаться тем, что Еврокомиссия обязывает хозяев свиней обеспечивать их игрушками, и это уже нашло отражение в британском законодательстве. Совсем недавно Европа показала свое истинное лицо. Во время эпидемии ящура в Великобритании о правах животных никто не вспоминал. Их уничтожали тысячами. Просто так было дешевле, чем проводить вакцинацию. Американцы – большие поборники прав человека, свободы слова и т. п., но почему-то напрочь забывают о них во время очередной военной авантюры.

Вряд ли можно ставить в один ряд дискриминацию людей "по расовому, национальному и половому признакам" с дискриминацией "всех форм жизни", как это делает П. Сингер и его сторонники. Американцы эксплуатировали негров, но все-таки не питались ими. А пшеница для человека всегда останется прежде всего пищей. Кто будет ее выращивать не как средство для пропитания, а как самостоятельную цель? Пусть в таком случае сама и растет. В природе дискриминация, то есть разделение, форм жизни существует реально, и нет ничего сногсшибательного в том, что представители определенного вида ставят

* Не правда ли, похоже на случай с тараканами, о котором упоминал М. Оленичев.

его интересы выше, чем остальных. Я скорее соглашусь с мнением В.А. Тетеры: "*Когда щука проглатывает пескаря, стая шимпанзе умерщвляет и поедает молодого павиана, забойщик скота на бойне забивает барана, то это следует называть не дискриминацией одного вида другим, а элементом трофической деятельности хищного или всеядного существа, направленным на выживание своего вида*" (Тетера, 2002).

Радикальное толкование прав животных содержит "камень в огород" зоопарков. Зоопарки и права животных – тема для отдельного разговора, хочу лишь отметить великолепный экоцентрический аргумент А. Затоки: содержание в неволе отдельных животных помогает спасти их сородичей в природе. И если "лишение свободы" нескольких панд поможет организовать охрану вида или восстановление исчезнувших популяций благодаря разведению, такая жертва вполне оправдана. Это можно считать "должным обоснованием" для нарушения права на свободу, потому что обеспечивается право на жизнь вида. Биоцентристы же видят лишь "страдания бедной зверюшки", заточенной плохими людьми.

Требования же освободить слонов из зоопарков, пони из цирка и т. п. – полный абсурд, дискредитирующий саму идею прав животных. Такие звери не в состоянии выжить без поддержки человека. "Освободить" их – значит погубить. Реабилитация животных, содержавшихся в неволе, – сложная задача, она не по силам воинствующим дилетантам. Хищная птица, прожившая у человека хотя бы с месяц, настолько привыкает к готовой пище, что ее приходится заново приучать охотиться.

В повести С. Павлова "Лунная радуга" есть такой эпизод. Мальчик, отец которого работал на звероферме, выпускает в зимнем лесу своего любимца соболя. Через неделю отец показал ему окоченевшее тело зверька. Это называется "убийство милосердием".

Одной любви к животным мало, чтобы помогать им. Очень хорошо о подобных вещах сказал Г. Аксенов: "*Любовь хороша и нравственна в личной сфере, но она становится чрезвычайно опасной, как только превращается в общественное чувство. И в самом деле, основная масса несчастий на Земле проистекла от неумелого делания добра, и худшее зло есть некомпетентность при добрых намерениях*" (Аксенов, 2003).

Проект декларации В. Агафонова и Б. Слунса чисто биоцентрический. Можно назвать его декларацией вегетарианства, поскольку провозглашается обязанность человека не есть мясо. Не нужно быть ясновидящим, чтобы предсказать то, что она не будет поддержана человечеством в обозримом будущем. Проповедовать вегетарианство можно в книгах и статьях, но не в подобных документах. Я совершенно согласен, что "человек должен ограничить свои материальные потребности во имя сохранения жизни на Земле", но для меня неприемлемо утверждение, что индивид "является высшей нравственной ценностью". Все-таки высшей нравственной ценностью является жизнь в целом. И если, не приведи Господи, возникнет ей угроза, вполне допустимо будет пожертвовать и отдельными индивидами, и видами, и биоценозами. При всей значимости индивида в человеческом обществе, люди, которые идут на смерть, защищая свой народ, тоже ведь считают, что ценность их жизни меньше, чем ценность народа.

Проблема еще и в том, что в природе далеко не всегда так уж легко определить границы индивида, причем не только среди растений (см. Панов, 2001). Пчела или муравей без семьи просто не в состоянии выжить. Е.Н. Панов (2001) вообще вводит понятие коллективного индивида.

В этом проекте (как, впрочем, и в других) есть немало внутренних противоречий. Декларация прав – это все-таки юридический документ, а не статья в газете, в ней должно быть все четко оговорено и определено. Утверждение о праве животных на заботу человека звучит красиво и благородно. Ну а если задуматься над его реализа-

цией? Во-первых, какие случаи должны считаться несчастными, и при каких условиях можно приходить на помощь? Волки напали на оленя. Мы должны их перестрелять или отогнать, чтобы спасти попавшего в беду зверя? А волки, что, не имеют права добывать себе пропитание? Одно дело естественные беды и угрозы, и другое – антропогенные. Например, когда животные гибнут на дорогах, линиях электропередач, в каналах и т. п. Во-вторых, физически невозможно приходить на помощь всем и всюду. Значит нужно выбирать, в каких случаях это нужно делать в первую очередь. По каким критериям? В-третьих, спасая одних животных, вы можете нарушать права других. Спасенная из капкана лисица съест впоследствии немало зайцев и мышей, чему они вряд ли будут рады. Можно ли подать иск от имени зайцев (право на защиту закона, на чем настаивает часть участников дискуссии) на человека, спасшего хищника от гибели? В-четвертых, помогая отдельным животным, можно причинить ущерб виду или экосистеме. Например, снижение естественной смертности может привести к всплеску численности вида с неблагоприятными последствиями и для его популяции, и для всего сообщества.

К животным, прошедшим "путь коэволюции вместе с человеком", относятся не только собаки или кошки, но также и клопы, вши, гельминты и т. п. Можно признавать за ними право на жизнь, но считать их членами человеческого сообщества – это уж, пожалуй, слишком.

Как совместить право животных на заботу человека с обязанностью его не убивать животных и не причинять им страданий при наделении правами всех существ "вне зависимости от видовой принадлежности и места на эволюционном дереве"? Если вашего кота заедают блохи, можно ли ему прийти на помощь?

Элементарная непродуманность и отсутствие логики превращает такой проект в очередное благое пожелание с нулевым результатом.

Достаточно приемлемым является вариант В. Челышева, сформулированный в наиболее общем виде. Он лишен ненужной патетики и неопределенности. У этой декларации из представленных вариантов, пожалуй, наибольше шансов быть принятой ООН или на другом высоком уровне. Хотя в этом проекте среди многочисленных принципов как-то затерялись сами права. Как по мне, они должны быть описаны и выделены более четко.

* * *

А вообще не стоит чересчур обольщаться действенностью деклараций. Я пишу эти строки через несколько дней после того, как Дж. Буш со товарищи развязали очередную войну в Ираке, "вытерев ноги" об ООН, мировое общественное мнение и все декларации вместе взятые. Не особо с ними считаются и в отношениях между людьми, что уж говорить о более сложных материях.

Литература

Аксенов Г. (2003): Там, за горизонтом… - Знание – сила. 2: 66-73.

Андреев Д. (1997): Отношение к царству живому. - Любовь к природе: Мат-лы междунар. школы-семинара "Трибуна-6". Киев. 140-156.

Горке М. (2002): Вымирание видов и этика. Пределы антропоцентрической перспективы. - Гуман. экол. журн. 4 (1): 101-108.

Грищенко В.Н. (2001а): Новые мифы о главном: первобытный человек и природа. - Гуман. экол. журн. 3 (2): 56-74.

Грищенко В.Н. (2001б): Четвертая идеология заповедного дела. - Гуман. экол. журн. 3 (1): 42-56.

Грищенко В.Н. (2002): Восточные религии и охрана животного мира. - Беркут. 11 (1): 125-138.

Даррелл Дж. (1991): Под пологом пьяного леса. Киев: Внешторгиздат. 1-151.

Кэлликотт Б. (1999): Природоохранные ценности и этика. - Гуман. экол. журн. 1 (2): 40-67.

Линдблад Я. (1976): Белый тапир. М.: Мир. 1-184.

Панов Е.Н. (2001): Бегство от одиночества. Индивидуальное и коллективное в природе и в человеческом обществе. М.: Лазурь. 1-640.

Реймерс Н.Ф. (1990): Природопользование. М.: Мысль. 1-637.

Сингер П. (2002): Освобождение животных. Киев. 1-128.

Тетера В.А. (2002): Возвращение Природы: иллюзия прав животных. Киров. 1-91.

Шринивас М. (1988): Запомнившаяся деревня. М.: Наука. 1-367.